Издевательства над Яно составляли часть единства нашего класса.

Следующим утром пошел дождь – как она и сказала.

В этот дождливый день я шел в школу с зонтом. Честно говоря, я бы скорее залез на велик, но, если учителя заметят меня, размахивающего в движении зонтом, мне здорово влетит. Та еще морока. К тому же, никто не носил пончо, и я уж точно не собирался его надевать.

Чтобы добраться до школы, требовалось гораздо больше времени, но сон мне больше не нужен: я мог без проблем проснуться пораньше и даже спокойно позавтракать. Этим утром голод чувствовался сильнее, чем обычно, поэтому я утолил его четырьмя тостами. Было ли это связано с дыханием огнем прошлой ночью или нет, я не знал.

Моя прогулка до школы ощущалась относительно легко, пока в ушах звучала музыка из плеера. На нем были одни только популярные песни. В дождливый день какую-то часть учеников доставляли родители на машине, а другие предпочитали пешую прогулку, – поэтому большинство прибыло впритык к звонку. С другой стороны, я пришел намного раньше рассчитанного, из-за чего застал пустынность вестибюля. Я не зашел внутрь, вместо этого стряхнул зонт, чтобы убрать с него капли дождя.

Тут стояла и Яно, промокшая до костей.

Я совсем не ожидал этой встречи. Мое выражение лица, наверное, одеревенело. Я взглянул на Яно, занятой отжимом юбки, и на ее губах заиграла довольная ухмылка.

— Доброе ут…ро.

Бессмысленные приветствия Яно одноклассников стали нормой. И все равно на какое-то мгновение я оцепенел. Боги удачи определенно находились на моей стороне, раз никого из одноклассников рядом не оказалось.

— Кто…то взял мой зон…тик.

Но я пришел в чувства прежде, чем она смогла полностью ввести меня в свои трагические обстоятельства. Я отвел взгляд и успешно дошел до шкафчиков с обувью нашего класса. И хоть я проигнорировал ее, краем глаза уловил все ту же ухмылку на лице Яно. Пока я раздумывал, насколько странным человеком она была, позади себя услышал голос:

— Доброе утро, Яно-сан. Почему бы не зайти ко мне в медкабинет? Я одолжу полотенце.

— Спасибо… вам огром…ное.

Типичная Ото, всегда на высоте. Я безмолвно поблагодарил ее. С ее приходом оба мои желания исполнились: не только избегание разговора с Яно, но и то, что эта девушка перестанет лить с себя воду. Хвала небесам.

Когда я вошел-таки в класс, конечно же, более половины мест пустовало. Прибыли две группировки: группа парней Такао, очень шумных ребят, и группа девушек Накагавы, наехавших вчера на Игучи. Все они без умолку обсуждали поломку зонта одноклассницы. Я положил свой на стойку и запихнул сумку в шкафчик, делая вид, будто не слушаю.

Я беспокоился, что сесть за парту и продолжать молчать негативно скажется на моем здоровье, поэтому повернулся к соседке, Кудо, и обсудил одно шоу по телевизору, которое шло

прошлым вечером. Это была заурядная, но популярная романтическая драма с несколькими сюжетными поворотами. Я посмотрел уже второй эпизод. Надо признаться, мне оно не совсем было по душе, а вот остальным вполне нравилось. И я совсем не против льющегося восторга от моей близкой подруги и демонстрации ее улыбки с двойным зубом.

Вскоре пришел Касай, чьи поразительные приветствия достигли каждого уголка класса. Я в ответ махнул ему рукой. Такао уже вовсю трезвонил о божественной каре, которую он ниспослал, и я решил добавить от себя. Я выждал нужный момент, пока Касай прошел мимо моего места и упрятал свою сумку в шкафчик.

— Знаете, с нее вода рекой стекала на входе, — сказал я.

В классе разразился хохот. Слава Богу. Довольно странно это для дождливого дня, но все словно пребывали в хорошем расположении духа. Может, это из-за закрытого окна, чтобы внутрь не затекала вода, – класс ощущался уютным тайным клубом. Единство еще никогда не было столь сильно.

Как-то я слышал, что учителя говорили о нашем классе только хорошее, что с ним нет никаких проблем. Конечно, это если закрывать глаза на Яно, но, по этим словам, становилось ясно, что это они делать и будут. От хулиганов вроде Мотода постоянно сыпались мелкие нарушения школьных правил, но они никогда не прибегали к насилию или чему-то, из-за чего могла вмешаться полиция. В целом мы считались приличной, хорошо дисциплинированной группой.

— Буду надеется, Мидорикава увидела это зрелище, — сказал Такао.

— Да ну? — я усмехнулся.

Конечно, я не собирался спорить здесь, что Яно была жертвой. Она сама навлекла на себя беду. Ее поступок спровоцировал издевательства. О чем еще говорить, кроме как о том, что Яно ошиблась, когда пошла против Мидорикавы?

Кроме того, сама ее ошибка не заключалась в простом факте всеобщей любви к Мидорикаве.

— Утречка!

Я повернулся на приветствие Касая – с широкой улыбкой на лице он обратился к только что вошедшему в класс. Мидорикава. Она ответила своим обычным «М-м», и каждый из нас по обычаю также поприветствовал ее. Не существовало никаких внутренних правил, по которым выяснялось количество или время кивков Мидорикавы; издав еще одно «М-м» для ровного счета, она прошла к своему месту.

Касай, наверное, не хотел, чтобы остальные заметили это, но он получил индивидуальное «М-м» от Мидорикавы. Его улыбка стала еще шире. Она отличалась от той улыбки, какую показывал всем остальным, – разница была столь велика, что все это приметили.

Бесспорно, Касай – сердце и душа нашего класса. В центре класса, состоящей из всеобщей вражды к Яно, стоял он.

Правда, он никогда и ничего не предпринимал по отношению к ней. Их связывало только ядро класса и его недовольство из-за нее. Величайшая трагедия для Яно – это тот факт, что каждый из нас осознавал одну небольшую вещь.

Общее чувство единства.

— Ут…ро.

Краем глаза я уловил Яно, закутанную в спортивную форму слегка не по размеру, – вероятно, из медкабинета. Она поприветствовала всех с ухмылкой на лице, но ей никто не ответил. Воздух пронзило только громкое цоканье Такао, что само по себе было странным.

Яно равнодушно поставил сумку на парту, не переставая улыбаться. Она села, как тут же вскочила тихим вскриком. Я посмотрел в ее сторону и увидел промокшую нижнюю часть красной формы. Кто-то, должно быть, пролил воду еще до того, как заявился я. На какое-то время оцепенев, Яно рукавом протерла стул и села обратно.

Вряд ли это сотворила группа Такао. Ведь иначе об этом стало бы известно еще в тот момент, когда парни объявили об инциденте с зонтом. Это сделал кто-то другой.

За исключением одного единственного, все ученики в нашем классе – люди, будь то день или ночь. Они не будут разделять одни и те же мысли, как разум улья. У каждого из нас выстроилась определенная модель отношения к Яно, но в основном выделяли три категории.

Первая относилась к тем, кто издевался над ней открыто, при этом не скрывая наслаждения. К этой категории относились Мотода, Такао и группа девушек, которые вчера прижали Игучи.

Вторая состояла из людей, явно настроенных плохо против Яно, но выказывающие это только когда она появлялась рядом или во время открытой неприязни. Моя соседка Кудо относилась к этой категории, как и большинство в классе.

В третьей были те, кто признавал неправильность поступка Яно, но просто игнорировали ее, то есть не пытались что-либо с ней сделать, как например Игучи, Касай и я. Малочисленная группа.

Весь класс, за исключением Яно и Мидорикавы, разделился на эти три категории. К мокрому стулу Яно, скорее всего, причастна первая или вторая категория. Ибо именно они приставали к Яно сильнее всего, действуя исподтишка, – не так нагло, как поступают Мотода и Такао.

Никто из нас не собирался обсуждать случившееся. Мы разделяли одно мнение, соглашение: покамест злоумышленник среди нас, никто не станет тратить время на его поиски. А я тем временем вспомнил слова учителя с первого года, который рассказывал, что стукачество на своих друзей хуже издевательств. Прав он был или нет – сам каждый решает за себя.

Звонок прозвенел, и все начали рассаживаться за свои парты. Мне показалось, будто класс расшумелся громче обычного, но оглядевшись, приметил сразу – Игучи не пришла.

Это необычно. Она всегда рано приходила в школу и тихонько участвовала в разговорах со своими ближайшими подругами. Я уже видел, как в дождливые дни Игучи привозили на машине, но сейчас она явно опаздывала.

Пока мы с Кудо обсуждали старшие школы, в которые планируем пойти, во мне стало расти беспокойство насчет нее. Ее подкосило случившееся вчера?

Прозвенел последний звонок, и в класс зашли два опоздавших: Мотода после утренней тренировки и Мидорикава, ушедшая за книгой в библиотеку. Оба они заняли свои места, а следом подоспел учитель. Классный представитель отдал указ встать.

В голове тотчас всплыло слово «прогуливает». Но сразу после я услышал тихий голос:

— Простите.

Игучи вошла в класс через переднюю дверь и села за парту в трех столах впереди меня.

Завидев покачивание ремешка Тоторо на сумке Игучи, я немного успокоился, но все же понимал – она пришла так поздно нарочно. Наверное, побоялась повторения вчерашней сцены.

— Сегодня обязанности возлагаются на Адачи и Игучи.

Когда мне удалось -таки перевести дух, прозвучало мое имя. Точно, сегодня наша очередь. Пока мы перемещались во время первого периода из класса в класс, исполняющему обязанности будут отдавать ключ. На первый период выдалась музыка. Игучи была слишком занята вытаскиванием тетрадей из сумки, так что поднялся я.

— Сделаю, я сейчас, — сказал я ей прежде, чем пошел и взял ключ.

Я не просто указал на это дважды; рисоваться я уж точно не желал.

Когда я обернулся, Игучи тихо поблагодарила меня – настолько тихо, словно одними губами произнесла слова. Я улыбнулся в ответ, и она в спешке продолжила готовиться к занятию. По какой-то причине, когда я проходил мимо нее, мой взгляд все также был прикован к ней.

И именно в этот момент кое-что произошло.

Игучи громко вдарила по парте, словно от спазма или еще чего.

В классе на мгновение застыл воздух. До тех пор, пока Касай не обратил в шутку:

— Ну и напугала.

Об инциденте сразу забыли. Хотя, наверное, я единственный заметил.

Причина, по которой крышка парты резко опустилась вниз, заключалась в применении грубой силы.

Я присел за парту в конце класса с ключом в руке, пока сердце стучало в груди; в ушах отдавался неприятный звон.

Что это такое?

Я увидел.

Игучи достала тетрадь, которую оставила в столе. Затем она увидела лицевую сторону и сразу ударила рукой в попытке скрыть ее.

Ошибки здесь не было. Ее тетрадь выглядела в точности, как у Яно, сгоревшая прошлой ночью. Маркером на лицевой стороне были выведены ужасные слова.

Чувство. Единства.

Даже когда мы вышли из класса после окончания занятия, я не мог успокоить стук своего сердца.

***

— Что, как, Аччи? Живот побаливает?

Пусть я на протяжении всего дня старался скрыть, насколько взвинченным стал, Касай все равно побеспокоил меня во время уборки. Вот почему, чтобы избавиться от любых ложных предположений, я нацепил на лицо усталое выражение.

— Я просто устал от классных обязанностей. Почему мне кажется, что, когда наступает моя очередь, – это всегда либо музыка, либо физкультура?

Игучи сегодня вела себя понуро, но, кажется, к ней никто не приставал. Судя по всему, одна или вообще все девушки из той группы, что вчера пристали к ней, ответственны за размалевывание ее тетради. Теперь они ее избегают. А остальные, вероятно, догадывались о причине, но не лезли.

Другими словами, никто не утруждался поддержать ее, ведь все разделяли одну мысль: раз она собралась помочь Яно, пусть смириться и получит наказание.

Я также говорил с ней не больше обычного, хоть немного беспокоился. Я не знал, в какой мере одноклассники сделали из Игучи пример, так что лучше всего не лезть к ней лишний раз. Разумеется, здесь я ничего поделать не мог.

Пять часов из шести, выделенных на занятия, завершились, и мы вернулись в свой класс. День выдался вполне обычным, если не считать издевательства над Яно и подавленную Игучи. Школа оповестила нас о событиях на следующей неделе, а наш классный руководитель напомнил о приближающихся экзаменах.

Завтра – свободный день. Эта мысль согревала мне душу, совсем немного.

Попрощавшись, ученики, которых ждали клубные мероприятия или дела после школы, вышли из класса.

Как правило, после окончания учебного дня какая-то часть еще крутилась вокруг класса: они сплетничали или украдкой поедали перекусы. Сегодня же даже Касай с его группкой двинули в кафетерий. Один за другим ученики покинули класс.

Вдруг выяснилось, что мы с Игучи – те, кто выполнял классные обязанности в этот день – остались наедине.

Даже обычно дружелюбные к ней девушки свинтили куда подальше из-за страха быть пойманным за чем бы то ни было… Мудрое решение. Я также считал этот выбор лучшим. Для добра здесь места не было.

Мы должным образом выполняли свои задачи, но опустившаяся тишина создавала еще более гнетущую атмосферу. Вот почему я решил убить время на разговор на свободную тему:

— Я слышал, в округе кайдзю видели.

Я точно не знал, чем вызван шок на ее лице: то ли из-за того, что я заговорил о кайдзю, то ли от самого факта разговора с ней. Она не ответила и продолжала смотреть на меня. Я отвел

взгляд.

— Ну или так люди твердят в последнее время. История гласит, будто выглянув наружу ночью, ты увидишь огромного черного кайдзю. Но если попытаешься сфоткать его, в кадр он не попадет.

Мне казалось, она должна выказать хоть какую-то реакцию. Тем не менее она ничего не сказала, и я вновь уставился на нее. Я уже пожалел о своем решении.

Она улыбнулась. Болезненно.

— С…спасибо.

В отличие от манеры речи Яно, у Игучи словно комок в горле встал.

Только я понятия не имел, почему она поблагодарила меня.

— За что?

— За то, что пытаешься утешить меня своей шуткой. Я не ожидала этого, ведь знаю тебя, Адачи-кун. Ты не из тех, кто попытается как-то подбодрить человека. И ты уж точно не стал бы болтать как ребенок о кайдзю.

Она хихикнула; в ее голосе чувствовалась боль. Я проклял самого себя.

Единственная причина, по которой я принял нелепые рассуждения насчет кайдзю, заключалась как раз потому, что сам им был. Это ведь всего лишь глупая история, ставшая темой для обсуждения среди нас, парней – то, про что все говорят, но не верят. Очевидно, Игучи, не знавшая ничего про эти слухи, воспримет именно так. Тем более, я завел об этом разговор в такое время.

Игучи улыбалась и затем заговорила дрожащим голосом:

— Ты видел, да?

Сердце готово было выпрыгнуть из груди, как и утром.

— Не переживай насчет этого, — ответил я.

Совершенно бессмысленный совет. Если бы все просто перестали бы беспокоиться из-за проблем, наш мир стал бы беззаботным местом. Реальная жизнь – она такая, жестокая.

— Я думаю, это вскоре закончится, — сказал я, чувствуя надобность продолжить разговор.

Меня пугала тишина – и тот факт, что Игучи могла нарушить ее, выплеснув наружу свое нутро.

— Ага. Думаю, так оно и бывает, — ответила она.

Уверен, таково было мнение каждого в нашем классе касательно удрученного настроения Игучи. И меня на самом деле поразило, что сама она думает также. Так оно и бывает. Так оно и бывает, когда она – случайно или нет – подобрала стерку Яно. Так оно и бывает, когда пытаешься подорвать чувство единства в классе. Негодование, размалевывание вещей. Это ведь в порядке вещей.

Неважно, как много всплывало прискорбных инцидентов, так уж случалось. Не стоило вечно об этом переживать. На это даже пытаешься внимание не обращать. Мне самому следовало бы отмахнуться от проблем, но никто не стал бы отрицать трагичность в попытках Игучи принять те же самые обстоятельства.

И все же моя личная эмпатия неуместна.

— Я не могу жаловаться, то есть, ну…

Она вздохнула – глубже и протяжнее обычного.

— …Я сделала то же самое с Яно-сан.

— Имеешь в виду игнорировала?

Игучи покачала головой.

Затем она рассказала мне о произошедшем вчера после школы, когда большая часть класса ушла по домам. Ее опрашивали, оскорбляли, подвергли сомнению честность и неоднократно нападали словесно без шанса защитить себя. И наконец, в качестве доказательства того, что она все же не воспринимает Яно за одноклассницу, Игучи велели исписать гадостями ее тетрадь. Поэтому она не могла жаловаться, если кто-то проделал то же самое с ней.

Я потерял дар речи.

Игучи вполне могла предположить, что на ней отыгрались по вине Яно. Но… вряд ли она так считает. Я вдруг понял это по ее признанию – что-то в ее словах такое было. Она словно извинялась передо мной вместо Яно, будто никогда не смогла бы сделать это перед ней самой. Обычно никто и никогда не должен проявлять симпатию к Яно, но сейчас в классе были только мы вдвоем. Я не стал ее прерывать.

Хотя, надо сказать, вряд ли на сердце Игучи будет спокойнее, выслушай я ее историю.

По какой-то причине, пока она выговаривалась мне, я думал о ней как о каком-то отдельном элементе нашего класса.

Быть может, она была менее бдительной в разговоре со мной потому, что только я находился с ней рядом? Или, возможно, она впала в отчаяние? Так или иначе, она высказала сомнение – то, о чем никто в нашем классе не посмеет сказать.

— Это так глупо, Адачи! Почему все должны поступать так жестоко с Яно-сан?

Я съезжал с этой темы что тогда, что сейчас. Я не ответил. Ни «Ага» или «Наверное». Я обратился к классной уборке. Не игнорировал Игучи, но что еще мне оставалось делать? Так оно все и происходило.

Все сложилось бы намного лучше, прими я решение.

http://tl.rulate.ru/book/56402/1452577